
УКРАИНСКИЙ ШЛЯХ: ОТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПРИВАТИЗИРОВАННОЙ — К ПРАВОВОЙ

(по страницам книги Игоря Клямкина
«Какая дорога ведёт к праву?» — М., 2018 г., в печати)

В.Н. Ткаченко

Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: *Украина переживает эпоху перемен. Это не значит, что процессы перехода — от государственности приватизированной к государственности правовой — непременно закончатся достижением исходных целей в полном объёме. Но, считает Игорь Моисеевич Клямкин, все, что происходит в Украине, могло бы представлять интерес для тех, кто желает системных перемен и в России.*

Ключевые слова: *украинский опыт, неправовая государственность, верховенство права, постсоветская коррупционная система, кланово-корпоративные связи, специализированные антикоррупционные институты, судебная реформа.*

Книгу Игоря Моисеевича Клямкина, под названием «Какая дорога ведёт к праву» (Москва, 2018), по глубине научного анализа и информационной насыщенности нельзя читать как облегченный увлекательный бестселлер, хотя и оторваться от чтения тоже невозможно. Говорю это с точки зрения гражданина Украины, который уже выработал определённый иммунитет касательно оценок истории и современных проблем Украины со стороны многих российских авторов. Как не крути, а приходится считаться, что война объективно создаёт социальный контекст лжи. И это стало суровой реальностью наших дней. Поневоле уже не просто усердно, как это принято в науке, подвергаешь все сомнению. Дело обстоит хуже: начинаешь настороженно и недоверчиво относиться к любому суждению со стороны представителей «братского народа». И от этого никуда не деться: как говорят французы — «на войне, как на войне».

Интродукция

Однако при чтении упомянутой книги профессора Клямкина все опасения уходят прочь — его толерантность и глубокая исследовательская культура просто обезоруживают.

И понимаешь истоки столь редкой в наше время доброжелательной позиции к Украине: они в любви к своей Родине, к России, в какой-то неизбежной тоске по ее счастливой судьбе и благополучию сущих в ней людей. Той тоске, которую автор книги пытается утолить поистине каторжным трудом по обобщению трудного и весьма неоднозначного опыта соседней Украины, предпринявшей попытку прорыва в иное, чем было до того, историческое состояние.

А поэтому принимаешь и видение Игорем Моисеевичем украинской перспективы: из Майдана — этого храма Революции достоинства — предстоит двигаться по дороге к праву. А ее, эту дорогу, ведь ещё предстоит найти, а потом с нее не сходить, сколь бы ухабистой она ни была. На этот счёт позиция профессора определена в предисловии книги таким образом: «Украинцы на эту дорогу вышли, но пока ее не прошли, а на вопрос о том, пройдут ли, не свернут ли, останется открытым до тех пор, пока не пройдут или не свернут. А я, всматриваясь издали в их движение и желая им успеха, испытываю одновременно и ощущение наблюдателя переломных исторических событий, пытающегося понять их ход и смысл до того, как они завершились. Событий, в которых противостоят друг другу наличное бытие и бытие потенциальное, представленные интересами, историческими возможностями и волей разных субъектов. И если интересы поддаются пониманию, то возможности и волевые ресурсы выявляются только по мере развёртывания самих событий» [Клямкин 2018: 18]¹.

Скажу без обиняков — дать обобщенный анализ книги Игоря Клямкина в одной публикации — дело непосильное. Во всяком случае, сейчас, когда ситуация в Украине не устоялась, когда социум пребывает в состоянии бифуркации, а движение политических событий может изменить свою траекторию в любом, даже трудно предсказуемом, направлении. Ведь цикл общественно-политических событий все ещё не замкнулся, его итоги неизвестны, а равнодействующая столкновений различных часто принципиально противоположных интересов просматривается разве что на ближайшую краткосрочную перспективу. А потому мысли и суждения, изложенные в книге — «Какая дорога ведёт к праву?» — представляют собой интеллектуальный сгусток высокой энергетической напряжённости, направленный на преодоление существующих проблем, но, одновременно, и предостерегающий о потенциальной опасности «схлопывания», как это не раз уже бывало в истории Украины.

Итак, пока что ставлю перед собой задачу посильную — подвергнуть анализу суждения, изложенные лишь в разделе «Новый опыт Украины и Россия». А впереди, смею надеяться, книге Игоря Моисеевича Клямкина предстоит ещё добрая и долгая судьба быть положенной в основу глубокого научного дискурса о проблемах трансформации посткоммунистической неправовой государственности — в правовую. Во всяком случае, как мне представляется, изложенные в книге материалы будут затребованы при написании не одной диссертации.

Против течения

Как утверждал булгаковский герой Иешуа Га-Ноцри, «говорить правду легко и приятно». А тем временем жизнь показывает, что утвердить царство истины в этом мире ещё не удавалось никому. И, тем не менее, дело науки — отстаивать Истину, Добро и Красоту. Вопреки всем перипетиям бытия. Тем более вопреки войне, которая только и может что «санкционировать ложь в отношении политических противников, как дело чести, доблести и геройства» [Там же: 398]. Так же повинуюсь стремлению украинцев отстаивать свой выбор судьбы вопреки попыткам России «навязать свой проект соседям». А ведь в чем-чем, отмечает профессор Клямкин, а в одном российские идеологи и пропагандисты правы: альтернатив-

¹ Сноски даются по страницам рукописи книги, которая находится в печати.

ная цивилизация России сделает все возможное и невозможное, чтобы «европейский выбор Украины перекрыть» [Там же: 397].

Однако, и это следует особо обозначить, не все сложности и неудачи в Украине можно (да и не следует!) списывать на войну. И вот здесь Игорь Клямкин показывает нам пример того, как должно исследователю противостоять устоявшемуся течению и попытаться рассмотреть ход исторических событий с помощью более мощной оптики с наличием сверхвысокой разрешающей способности: «Поймал себя на мысли, что почти все мы, пишущие в России об Украине, всецело поглощены войной и политикой, от нее производной. Происходящее после Майдана с украинской государственностью вытеснено на периферию сознания и мышления. А ведь это и есть самое главное» [Там же: 398].

Проблема проблем для Украины, в видении профессора Клямкина, состоит в том, насколько Украине удастся продвинуться к верховенству права в осуществлении государственных реформ. Дело не в том, удастся или не удастся этой измученной стране справиться с осуществлением широко описанной в научной литературе ортодоксальной моделью «модернизации» в стиле пресловутой «вестернизации». А все потому, что в условиях постсоветской Украины никакой шаблон не сработает: «Истории известны трансформации абсолютистско-монархических и тоталитарных политических систем в правовые. Но в ней не было прецедентов перехода в правовое состояние квазигосударств посттоталитарного типа, приватизированных группами частных интересов, которые сумели само право превратить в инструмент, позволяющий право безнаказанно попирать» [Там же].

И все-таки вопреки исторической инерции украинское общество выразило на Майдане глубокое желание такой прецедент создать. Того же требовали от новой украинской власти Брюссель и Вашингтон после подписания соглашения об ассоциации Украины и Европейского союза. Казалось дело за малым: украинское общество должно выдвинуть из своей среды желанную национальную элиту, способную столь необходимые реформы осуществить. Но госаппарат Украины «после Майдана достался тотально прогнивший» [Там же: 400]. А потому по мере продвижения к цели стала вдруг обнаруживаться неподатливость проблемы реформирования. Выяснилось, что посткоммунистическая неправовая государственность никак не преобразуется в государственность правовую. Более того, эта постсоветская система демонстрирует устойчивость — она блокирует любые попытки демократизации политической системы. И с ней пока что не в силах совладать ни свободные выборы, ни независимые от государства СМИ, ни принятые антикоррупционные и люстрационные законы.

Так, например, 9 октября 2014 г. президентом Украины Петром Порошенко был подписан закон «Об очищении власти», то есть — о люстрации. Вслед за ним Верховная Рада Украины приняла в первом чтении антикоррупционную стратегию. Оба эти документа преследовали своей целью очищение власти и были направлены в первую очередь против злоупотреблений должностных лиц высшего ранга. Последующие перевыборы Верховной Рады 26 октября 2014 г. привели к созданию конституционного большинства. На первых порах казалось — ничто не говорит о том, что депутаты преследуют лишь цель сохранения прежней системы и себя в ней. Более того, многие из них воспринимались в общественном мнении исторически амбициозными людьми, осознающими, что сейчас в Украине многое поставлено на карту и другого такого шанса интегрироваться в Европу впредь может уже не быть.

Но потом начало приходить понимание того, что ситуация в обществе во многом оказалась более вязкой, чем то ожидалось. Государство, выстроенное под частные интересы правящего слоя, стало оказывать отчаянное сопротивление любым попыткам преобразовать его в государство правовое. Именно с учётом этой особенности президент Порошенко назвал первоочередными задачами реформирование судов и правоохранительных органов. К тому же предложил пригласить на должность председателя антикоррупционного комитета иностранца, не связанного со старым кадровым составом. Была высказана мысль о допуске к правительственным постам Украины граждан других государств. Эти меры должны были

запустить отсчёт нового времени, свидетельствующего о том, что Украина пробует вытащить себя из постсоветской трясины.

Система

Но тут в полную силу сказался важнейший фактор, отражающий собой сущностную сторону постсоветской государственной системы. Речь идёт о коррупции, которая, по определению Игоря Клямкина, в этой системе «не аномалия, а норма, органически присущий ей способ существования и внутренней коммуникации». Более того, со временем приходит понимание того, что «политическая революция, против нее [системы] направленная, сама по себе опрокинуть ее и заменить другой не может. Принцип ее функционирования («деньги-власть-деньги»), обслуживающий частные интересы олигархов и бюрократии, успел глубоко укорениться, а почвы для альтернативного ему принципа верховенства права в системе нет, он должен быть в нее привнесён извне, т. е. из общества. Но во власти- и олигархозависимом социуме идея альтернативного правового порядка не может обрести силу и волю для его, порядка этого, утверждения» [Там же: 407].

В советской коммунистической государственности все было проще: широким народным массам противостоял чиновничий бюрократизм, олицетворявший собой коллективного эксплуататора человеческих и природных ресурсов. В посткоммунистической государственности система общественных взаимоотношений усложнилась: над рядовым человеком-трудящимся появился, наряду с чиновником, и такой неведомый ранее персонаж как «олигарх». Вот эта новая верхушечная надстройка образует надзаконную систему взаимовыгодного сотрудничества, функционирующего в Украине по формуле «деньги-власть-деньги», а в России по формуле «власть-деньги-власть». Специфика двух стран и их различие, по Клямкину, проявляется в том, что «в России сохраняется инерция государства, в котором ещё в XVIII веке обнаруживали сочетание «воинского стана», т. е. армейской организации жизни, и «торжища», т. е. торговли должностями. В Украине же традиция «воинского стана»... после распада СССР осталась в прошлом, но традиция «торжища» обнаружила глубинную укорененность и колоссальной силы сопротивляемость попыткам ее искоренения» [Там же: 28].

И вот обстоятельства сложились так, что послемайданной Украине выпала особая судьба в эволюции советского пространства. Страна стала своеобразным политическим «полигоном», на котором испытывается возможность трансформации этого «государства-торжища» в государство правовое без революционной смены правящего политического класса, именующего себя «элитой». И не беда, что опыт пока что поучителен не столько результативными решениями, сколько обнаружением трудноразрешимых проблем на пути трансформации. Как говорится, суть дела не в том, где мы нынче пребываем, а в том, куда мы движемся. В конце концов, важно даже осмысление источников тех трудностей, которые привели пока что к незначительным успехам.

Игорь Клямкин ссылается, в частности, на анализ известного украинского экономиста Александра Пасхавера, обратившего внимание на историческое своеобразие постсоветского общества, украинского в частности. Так, например, фундаментальным обстоятельством, определяющим противоречивый характер украинской революции, считает Пасхавер, являются социальные ценности пассивного большинства украинского народа. Речь идёт о стратегии выживания, выработанной столетиями проживания в прочих государствах, зачастую во враждебной среде. И эта стратегия спасала впоследствии и в кровавом XX столетии, и в новейшей истории уже суверенной независимой страны. Коротко эту житейскую мудрость можно выразить несколькими глаголами: доверяй только своим, скрывай свои планы и интересы, не получается — обмани, не получается — подкупи. В результате трудно сегодня представить себе, как можно строить свое государство при отсутствии доверия к этому же государству, его законам, его институтам.

Однако было бы некорректно не видеть, что в этом отсутствии доверия кроется и посконная народная правда. Тот капитализм, который образовался на постсоветском пространстве, представляет собой сеть монополий, в которых нувориши-собственники, в союзе и под прикрытием бюрократии и политикума, получает свою монопольную ренту, делясь с теми, кто их «крышует». В итоге, верхушку гигантской коррупционной пирамиды венчает группа в составе 10–15 человек наверху. А сама архитектура пирамиды составляет собой сотни тысяч более мелких монопольных образований. Вот это и есть социальная матрица, ткань украинской постсоветской жизни. В нее вплетены все, включая рядовых граждан, вынужденных путём коррупции реализовывать и защищать свои права. Эта социальная матрица возникла и оказалась необыкновенно устойчивой в значительной мере потому, что вполне сочеталась с доминирующей стратегией выживания.

А дальше Александр Пасхавер даёт объяснение устойчивости этой олигархической матрицы следующим образом: «Во-первых, она постоянно воспроизводит отрицательный отбор элит. Честные профессионалы, если они попадают в бюрократию или политикум, меняются на коррупционноспособных «своих». Во-вторых, поддерживается монопольная структура во всех занятиях, где это возможно. Монополия препятствует развитию. В этом причина нашей бедности. В-третьих, все наше формальное законодательство и неформальные нормы подстроены под интересы олигархата. Коррупционность элиты, монопольная организация всех публичных занятий и коррупционность всех формальных и неформальных норм создают труднопреодолимые проблемы для реформаторов. Явись герой-радикал, желающий разрубить этот узел одним ударом, его ждало бы либо позорное поражение, либо экономический и социальный коллапс страны» [Пасхавер 2017].

Невольно возникает вопрос — «Так была ли Революция достоинства?» — при таких-то результатах? Революцию, отвечает Пасхавер, очень трудно определить в рамках добра и зла, пользы и вреда. Гарантированы только изменения: элита разделилась, что и является необходимым условием победы революции. Власть была передана наиболее дальновидным представителям старого политикума. Они, несомненно, либералы, но технологии проведения реформы у них не радикально-революционные, скорее, их можно назвать переговорно-реформаторскими. Давить там, где возможно, а не «ломать через колено». При этом глубокое знание олигархической матрицы и ее права помогает им в этом процессе.

Сдвиги

Разделяет ли эту трактовку Александра Пасхавера его российский коллега Игорь Клямкин? Судя по всему — в полной мере. Более того, считает анализ украинского опыта делом весьма полезным если не для российской власти, то уж, вне всякого сомнения, для оппозиции. Но она «избегает даже их описания в их конкретном постсоветском своеобразии». Вот это нежелание учитывать постсоветскую социальность, по мнению профессора Клямкина, «лишний раз подтверждает чуть ли не принципиальное нежелание желающих системных перемен с этой социальностью и ее особенностями считаться» [Клямкин 2018: 435].

А потому вместо конкретной кропотливой работы по анализу постсоветской социальности некоторые оппоненты Клямкина пускаются в рассуждения, зачем, мол, тратить впустую время на ее постижение, если есть общие принципы реформирования, для всех стран одинаково верные и многократно испытанные опытом? Вот их, эти принципы, в случае получения власти, и надо внедрять. А они давно уже описаны и всем известны: свободная политическая конкуренция, честные выборы, независимость суда от других ветвей власти, ограничение полномочий президента, ответственность правительства перед парламентом и другие, столь же известные. А все остальное, дескать, от лукавого.

Так вот, в первом приближении все это в Украине уже сделано. А тем временем, отмечает И. Клямкин, в публичном дискурсе Украины все настойчиво звучат слова, что ничего

существенного не изменится до тех пор, пока на государственной службе не установилась прямая зависимость между преступлением и наказанием. То есть — безличная правовая норма не утверждается. А значит, публичную вербальную войну с коррупцией следует завершить, переведя ее в институциональную плоскость. Благо соответствующие специальные структуры для этого уже созданы.

Речь идёт прежде всего о законодательном учреждении Национального антикоррупционного бюро Украины (НАБУ) — государственного правоохранительного органа с широкими силовыми полномочиями, на который возлагается предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие коррупционных преступлений, совершенных высшими должностными лицами. Бюро было образовано Президентом Украины 16 апреля 2015 г. Это был реальный шаг в Европу — подобные структуры существуют в США, Польше, Франции, Сингапуре, Израиле и Индии. В сентябре этого же года была создана и Специализированная антикоррупционная прокуратура, призванная осуществлять надзор во время предварительного расследования НАБУ и обжалования незаконных судебных решений.

Закономерно возникает вопрос: удастся ли Украине разрубить таким способом гордиев узел коррупционных связей и повязанностей? Получится ли у НАБУ сохранить автономию, которой оно наделено законом и устоять перед политическим и административным давлением, избежать которого очень трудно? Ведь речь идёт о постсоветском чиновно- и олигархозависимом социуме с определенным типом культуры, для которого подчинение безличной правовой норме, мягко говоря, не императивно. На все эти вопросы и сомнения у Игоря Клямкина нет однозначных ответов, и не в последнюю очередь потому, что институциональные преобразования ещё не завершены: «ведь коррупционные преступления надо не только выявлять и квалифицированно расследовать, надо ещё, чтобы после следствия выносились справедливые приговоры судов. При существующей в Украине судебной системе это сомнительно, ее предстоит реформировать, но необходимые законы Верховной Радой ещё не приняты» [Там же: 413].

Но при всех своих сомнениях профессор Клямкин выражает уверенность в неизбежности учреждения Высшего антикоррупционного суда. Он исходит из того, что происходящее в Украине — это живой, на наших глазах складывающийся опыт реформирования постсоветской государственности и постсоветской социальности — поучительный и своими успехами, и неудачами. Нет сомнения в том, что «спаренная» в постсоветском чиновно- и олигархозависимом социуме элита тесно повязана между собой инерцией кланово-корпоративных связей и обязательств. Но есть и силы, противодействующие ей. Они представляют собой удвоенное давление как со стороны украинского гражданского общества, так и Запада, ставящего экономическую и политическую поддержку Украины в жёсткую зависимость от направленности и темпов реформ.

И это вселяет надежду на появление света в конце тоннеля: «В этой системе, как показывает история постсоветских государств, правовая субъектность сама собой не прорастает. И Украина здесь не исключение. Но у Украины есть один плюс, который принято считать минусом. А именно — ее полная зависимость от Запада, его экономической и политической поддержки. А тот выдвигает жёсткие условия такой поддержки, в числе которых — создание правовой государственности. И осознание этой зависимости перекрывает конфликты интересов и политические разногласия, кажущиеся непримиримыми...» [Там же: 420].

Заторы

В определении источников заторов обратимся сначала к низовым, но широко распространенным примерам. В Украине проходят конкурсы на должности руководителей госкомпаний. Дело вроде бы благое — конкурсы проводятся, чтобы убрать ставленников быв-

ших чиновников и олигархов. Но вот парадокс — заявки на участие ни от кого, кроме ставленников бывших чиновников и олигархов, не поступают.

Теперь поднимемся на ступеньку выше — к конкурсам на должность прокуроров. По информации Юрия Луценко, председателя президентской партии и лидера ее парламентской фракции, 75 процентов заявок — от действующих работников прокуратуры, большинство которых, по его оценке, «научились только возбуждать дела и их продавать». В итоге, делает заключение Игорь Клямкин, «получается, что в стране масса людей с юридическим образованием, но желания заменить проворовавшихся правоохранителей они не обнаруживают» [Там же: 410].

Но только ли в нежелании дело? Не исключаю, что многие претенденты уже испытали на себе силу отторжения со стороны олигархата и существующей бюрократической системы всех неугодных или не прошедших апробации людей. Напомню о списке известного в мире менеджера, члена Римского клуба Богдана Гаврилишина, который подал в свое время в администрацию президента Ющенко длинный список молодых людей из Украины, получивших образование в Оксфорде и Кембридже. Судя по всему, никому из них никакой должности не было предложено.

Последующее пребывание некоторых «варягов» на министерских постах после Революции достоинства тоже оказалось кратковременным, а часто и провальным. Комментируя их уход, Александр Пасхавер пишет: «Для меня крайне болезненными были внешне благородные отставки реформаторов, призванных на высокие должности. По-моему, это абсолютное дезертирство... Для меня уход чиновников с должностей — это абсолютно то же самое. Просто дезертирство. В таких обстоятельствах надо, стиснув зубы, держаться до последней секунды за свою должность и делать то, что считаешь нужным. И потом продолжать делать. Судиться, восстанавливаться в должности и продолжать работу» [Пасхавер 2017].

У Игоря Клямкина свое видение проблемы. Он склоняется к тому, что две стороны дуальной оппозиции — и постсоветская власть, и постсоветское гражданское общество, властью недовольное — в самом себе не находят ресурсов для трансформации этой власти. Украинское гражданское общество, показав образцы самоорганизации на Майдане, в волонтерском движении и в деле обороны страны, похоже, не очень настроено вписываться в государственную организацию ради ее очищения и обновления: «Насчет того, что надо менять систему, а не отдельных людей в системе, в Украине почти консенсус. Популярна эта мысль и в российских оппозиционных кругах. Но при таком акценте идея демонтажа системы рискует остаться звонкой ритуальной фразой, адресованной той же системе, которую хотели бы демонтировать. Для ее преобразования требуются как раз люди, много людей, не прошедших в ней школу служебного распутства» [Клямкин 2018: 410]. Сумеет ли Украина справиться с этой задачей — покажет лишь время.

Поднимемся ещё на ступеньку выше — до структуры государственного управления. Проблемным, с точки зрения Игоря Клямкина, остаётся вопрос о жизнеспособности парламентско-президентской формы правления. Эта форма используется очень редко, потому что в ней заложен институциональный конфликт между избираемым населением и наделяемым значительными полномочиями президентом, с одной стороны, и главой правительства, формируемого парламентским большинством — с другой. Почему в Украине пошли по этому пути, на котором не раз спотыкался президент Ющенко? Потому что столкнулись с президентским монополизмом в лице Януковича, превращавшим государство в вотчину. И вот теперь опять столкнулись с конфликтогенностью парламентско-президентского правления, периодически грозящей распадом правящей коалиции.

Обобщая ряд правительственных кризисов, можно прийти к заключению, что все они так или иначе вызваны столкновением национальных интересов и партийных эгоизмов. Одни партии не желают брать на себя ответственность за болезненные преобразования, другие — желают эти преобразования заблокировать, третьи — укрепить свои слабые сегодня

политические позиции. А к тому же эти столкновения производны, в том числе, и от самой парламентско-президентской формы правления. Выдержит ли Украина это напряжение, проявит ли жизнеспособность, обнаружит ли реформаторский потенциал для системной модернизации? Это важно не только для Украины: «это важно для всего постсоветского пространства, где президентское правление синонимично авторитаризму, а правление парламентское, кроме стран Балтии, не находит для себя соответствующей политической культуры» [Там же: 415].

То есть, политический кризис в Украине не является производным от цели цивилизационного выбора — вопрос евроинтеграции под сомнение никем публично не ставился. Раскол вызван малой результативностью продвижения к цели. А сам феномен малой результативности, считает профессор Клямкин, произведен «от неподатливости для преобразования постсоветской политико-экономической и административной системы. Той, которая четверть века выстраивалась на приватизировавших государство частных и групповых интересах крупного бизнеса и сращенных с ним внутренне консолидированных корпораций (чиновной, прокурорской, судебной, армейской и прочих). Послемайданная власть, испытывая помимо прочего, и кадровый голод, пыталась сочетать реформирование системы с учётом этих интересов, из чего мало что получилось. Частичные новшества, в систему привнесённые, при сохранении ее базовых параметров, обернулись слабой управляемостью, экономическим спадом, недовольством населения и, как следствие, вызвавшим политический кризис распадом правящей парламентской коалиции, часть которой тоже вписана в старосистемные корпорации» [Там же: 415–416].

Вывод напрашивается один — напрочь исчерпала себя стратегия балансирования: 1) между гражданским обществом, считающему эту стратегию духу Майдана не соответствующей; 2) требованиями западных союзников, темпами и качеством преобразований недовольных; и 3) влиятельными группами интересов, преобразования эти блокирующих. Готова ли Украина к смене стратегии — остаётся вопросом.

Логика реформирования

Логика реформирования систем постсоветского типа с приватизированной государственностью нигде до последнего времени не была описана. Таким образом, Украине приходится эту логику открывать на собственном опыте проб и ошибок. Можно было себе представить, что Революция достоинства парализует частные и корпоративные интересы в пользу интересов общенациональных. Но, отмечает Клямкин, «послевоенное украинское руководство таким путём не пошло. То ли война тому причина, то ли, помимо нее, и что-то ещё — вопрос интересный, но я не ощущаю в себе готовности всерьёз его обсуждать» [Там же: 416].

Тогда обратимся к версии украинского визави. Александр Пасхавер отмечает, что последствия революции вообще предсказать невозможно. Часто преобразования длятся десятилетиями, а потому и 1991 год, и 2004-й и 2013-й — это этапы одной и той же революции, связанной с изменением судьбы Украины. К тому же революции — это всегда кризис, которому противостоит не спокойное и благополучное прошлое, а предотвращённая катастрофа. В нашем конкретном случае речь идёт о предотвращении «ущерба от неуклонной потери своей идентичности, от срастания с русской имперской агрессивной ментальностью, от потери свободы как жизненной необходимости, от поклонения государству и его авторитарным вождям, от подчинения унижающей стратегии выживания» [Пасхавер 2017].

Успех революции во многом зависит от того, как быстро новая власть справится с задачей трансформации общественных отношений. Тут важно качество революционного класса. В Украине он такой, какой есть. В отличие от великих революций прошлого, наши революционеры не создали необходимых предпосылок взятия власти: ни тебе настоящих партий, ни

надлежащей политической культуры, ни длинной скамейки ярких лидеров. А потому, считает А. Пасхавер, следует исходить из того, что «нынешняя власть не случайна и сама является объективным обстоятельством. Власть не завоёвана, а передана Майданом и с учётом других вышеперечисленных объективных обстоятельств, по-видимому, адекватна ситуации» [Там же].

А все остальное — это уже следствие: налицо слабое сотрясение украинской социальной матрицы — олигархата; медленная смена элит не позволяет количеству перейти в качество; вялая имплементация реформ скорее создаёт населению проблемы, нежели решает их. И, как следствие, «народный популизм» подогревается профессиональными радикалами, «политическими кухарками» и платными плакальщиками. А в конечном итоге создаются предпосылки контрреволюции, которая всегда прибегает к бунтам и (или) внешней агрессии.

В принципе эти заключения А. Пасхавера никоим образом не нарушают логики анализа, осуществлённой И. Клямкиным. Российский аналитик также констатирует, что в постмайданной Украине предпочтение было отдано выстраиванию новых институтов в режиме компромисса. Стороны этого компромисса: 1) гражданское общество, настроенное революционно; 2) западные партнёры, готовые считаться с трудностями реформаторов, но не ценой превращения реформ в их имитации; и 3) те частные корпоративные эгоистические интересы, которые надеялись приспособить изменения к себе. Каждый компромисс — дело временное. А потому «по мере того, как волна революционных настроений и ожиданий спадала, сопротивляемость этих интересов возрастала, и со временем стало очевидным, что рубеж, обозначенный словом «коррупция», консолидировавшиеся группы «олигархов», чиновников, прокуроров, судей просто так не сдадут» [Клямкин 2018: 416].

Политический кризис и отставка правительства Арсения Яценюка отразили собой исчерпанность стратегии компромисса. Новый премьер-министр Владимир Гройсман заявил о намерении противопоставить стратегии компромисса стратегию иную, но какую именно, события покажут разве что позднее. К тому же многое зависело от кандидатуры нового Генерального прокурора — станет ли им представитель прокурорской корпорации, или же предпочтение будет отдано человеку со стороны. Ведь, согласно оценке И. Клямкина, «именно прокуратура стояла до сих пор на страже старосистемной институциональной гнили, сама будучи внутри нее и обеспечивая ее правовую неприкосновенность» [Там же: 417].

В итоге новый Генеральный прокурор Юрий Луценко был назначен вопреки прокурорской корпорации. С его стороны было продемонстрировано понимание, что прокуратура, наряду с судебной системой, оказалась едва ли не главным препятствием в преобразовании постсоветской государственности в государственность правовую. Вряд ли кто возьмётся уверенно утверждать, что новому Генпрокурору удастся в кратчайшие сроки очистить прокуратуру от коррупционной скверны. Но это назначение было воспринято в обществе как зримый импульс наступления на частные и корпоративные интересы тех, кто приватизировал государство, а также для нейтрализации популизма. Кроме того, в июне 2016 г. произошёл сдвиг и на другом направлении — судебном. Верховная Рада проголосовала за изменения в Конституции, касающиеся правосудия и судоустройства. В частности, была введена конституционная норма о квалификационной оценке судей и их конкурсном отборе, что призвано значительно изменить их состав. Кроме того законодательно закрепляется жёсткий контроль над доходами и расходами судей.

А тем временем 31 октября 2016 г. ознаменовалось в Украине крупным событием: был последний день подачи деклараций о доходах, расходах и имуществе должностных лиц и их семей в систему электронного декларирования. Система появилась в ответ на требование Евросоюза, обусловившего ее запуск предоставлением Украине безвизового режима. В итоге были зарегистрированы декларации государственных служащих, включая президента, главу правительства, чиновников высшего ранга, депутатов, судей. Сумы порой впечатляющие — до сотен тысяч и миллионов долларов и евро, как и объем недвижимости. Уклониться от по-

дачи деклараций невозможно, за сокрытие доходов и источников предусмотрена уголовная ответственность.

Каков будет антикоррупционный эффект — сказать пока трудно. Однако мыслилось, что украинская судебная реформа станет завершающим звеном в цепи преобразований, призванных институционально обеспечить то, что именуется противодействием коррупции. В этом ряду Национальное антикоррупционное бюро должно обнаруживать и расследовать факты коррупции высших должностных лиц. А уж после следствия суды, будем надеяться, вынесут справедливые приговоры. Эта функция и возложена на Высший антикоррупционный суд, который, к сожалению, на момент выхода книги Игоря Клямкина все ещё не был учреждён. Потому-то с окончательными выводами российский исследователь пока и не спешил делиться. И его можно понять. Хотя и промежуточные результаты пока что не особо впечатляют: «учитывая, что кадровый состав судей пока, в основном, остаётся прежним, запущенная судебная реформа до его очищения ещё не добралась» [Там же: 422].

Достигнутое

В конце ноября 2016 г. в Украине отметили годовщину, прошедшую с момента ее отказа от покупки газа у российского Газпрома. Дело не только в том, что покупать его пришлось по завышенным ценам, а и потому что перепродажа российского газа в Украине была составной частью широких коррупционных сделок, на которых многие нажили несправедливый капитал. Одобрительное восприятие этой новости общественной мыслью страны дало основание надеяться, что и другие реформы в Украине получатся. Хотя и чувство неудовлетворённости постоянно напоминает о себе. На телевизионных каналах Украины, сплошь принадлежащих тем же олигархам, тезисы антиправительственной пропаганды варьируются в обозначенных рамках: от «ничего не меняется» — до «меняется, но к худшему». На этом фоне спокойная и взвешенная оценка текущих событий — то ли она идёт от российского аналитика И. Клямкина, то ли от украинского А. Пасхавера — вносит отрезвляющий эффект.

С токи зрения А. Пасхавера, необходимо отчётливое понимание точки отсчёта. К сожалению, в этом качестве нам мало в чем помогут высшие мировые социальные и экономические достижения развитых стран. Тут следует признать, что в этом масштабе наши перемены просто незаметны. Но если подходить реалистически, и за точку отсчёта взять то «дно», которого мы в социальном контексте достигли при правлении В. Януковича, и того экономического спада, которое получили вследствие послемайданного кризиса, то все будет выглядеть в несколько ином свете. Здесь наши достижения, пусть и скромные, обозначились в следующем: 1) налицо финансовая стабилизация; 2) замечен экономический рост (слабый) на фоне войны, массовой миграции, потери рынков, разрыва связей с основным партнёром; 3) восстановление боеспособной армии, локализация войны; 4) мирное размещение 1,7 млн. перемещённых лиц. В плоскости реформирования страны достигли: 1) развёртывания антиолигархических институтов; 2) осуществления безвизового статуса в Европейском Союзе; 3) высоких внешних оценок стран Запада (с постоянным «но!»). В плоскости формирования политической нации добились массового добровольного увольнения судей и вхождения Украины в тройку европейских стран, где граждане более всего готовы с оружием в руках защищать свою страну (вместе с Польшей и Финляндией). Обратим внимание — все три народа до 1917 г. входили в состав Российской империи [Пасхавер 2017].

Если обобщать достигнутое, то, отталкиваясь от «дна», мы получили за четыре года беспрецедентные — если не перемены, то, считай, существенные сдвиги. А в контексте европейских параметров — едва заметное начало. Но, как отмечает профессор Клямкин, и европейские политики считают, что реформы в Украине осуществляются. Так, руководитель группы международных советников Лешек Бальцеревич считает, что реформы идут, хотя и не без ошибок. Кроме того, в совместном докладе Европейской комиссии и Внешней дипло-

матической службы Евросоюза высоко оцениваются проводимые в Украине реформы, названные «интенсивными и беспрецедентными». Имеется в виду, прежде всего, реформирование законодательства и создание новых структур, способных обеспечить воплощение принятых новых законов в жизнь. Беда лишь в том, что большинству людей эти оценки и констатации оптимизма не добавляют: «чаще всего повествуют о том, что на их жизни позитивные общие показатели никак не сказываются, что бизнес вести затруднительно, доходы ниже некуда, чиновники как воровали, так и воруют, а олигархи как правили бал, так и правят. Доверия к властям у большинства населения нет, их рейтинги продолжают падать» [Клямкин 2018: 426].

Здесь и возражать нечего: «глас народа — глас Божий». Разве что приходится уповать на научную экстраполяцию путей разрешения существующих проблем. С одной стороны, определённую долю оптимизма вносит отношение широких народных масс к оппозиции, которая в своем стремлении к власти прибегает к популистской риторике и требует досрочных выборов. Пока что у нее мало что получается. А это значит, что население пока что оставляет шанс существующему правящему классу негодную систему демонтировать и продвинуться к системе правовой. Не исключено, отмечает А. Пасхавер, что «на фоне суеты квазиреволюционных проектов проклюнется продуктивный политический проект революционного класса. Если не проявится усталость всех субъектов революции. Если медленный темп их не разрушит. Если направленность и преемственность перемен сохранятся» [Пасхавер 2017].

И здесь снова возникает вопрос о движущих силах революционных преобразований в Украине. И не следует все внимание концентрировать исключительно на факторах в пределах государственных границ — трансформационные общественные преобразования в наше время приобретают глобальные очертания. Так же и украинские реформы. Никуда не деться, что они, во-первых, осуществляются во время войны. Во-вторых, они осуществляются старой элитой. В-третьих, действие происходит в парламентско-президентской республике с реально-разделёнными ветвями власти и зависимостью от законодателей. В-четвёртых, они реализуются под внешним контролем Запада — прежде всего, Евросоюза, завершившего после долгих перипетий ратификацию Соглашения об ассоциации с Украиной.

Вот это «в-четвёртых», действительно отмечает И. Клямкин, «особо существенно, ибо только изнутри системное реформирование постсоветского украинского (и не только украинского) олигархо-чиновного социального порядка представляется проблематичным. И потому внешнее давление, производное от внешней поддержки, оказывается едва ли не главным мотором перемен. Европейская внешняя правовая субъектность призвана компенсировать дефицит субъектности внутренней» [Клямкин 2018: 437].

Запад на разных уровнях и площадках продемонстрировал Украине свою поддержку и заинтересованность в успешности ее продвижения по избранному ею европейскому маршруту. Европа, США, НАТО, парламентская ассамблея ОБСЕ согласились с украинской интерпретацией минских соглашений и украинской позицией по Крыму. Звучали одобрительные, а порой и лестные слова относительно уже сделанного — в банковском секторе, урегулировании госзакупок, обеспечении энергетической независимости, создании системы электронного декларирования доходов должностных лиц, выполнении всех требований, которыми обуславливалось предоставление безвизового режима с Евросоюзом... Но с условием, что украинцы проявят собственную волю к такому продвижению.

Кстати события начала 2018 года засвидетельствовали глубокую обеспокоенность Запада состоянием дел в Украине, что нашло свое проявление в усилении прессинга. Так бывший вице-президент США Джо Байден заявил на заседании Совета по международным отношениям: «Меня чрезвычайно сильно тревожит откат Киева в вопросе борьбы с коррупцией». И в этом смысле Байден не одинок. Международный валютный фонд, Всемирный Банк и Евросоюз пытаются заставить украинских законодателей ужесточить формулировки

законопроекта о создании Антикоррупционного суда. Но те, со своей стороны, хотели бы оказывать некоторое влияние на процесс назначения судей.

В ответ на это МВФ и Всемирный банк не спешат с финансированием, а Евросоюз угрожает отменить для украинцев безвизовый режим, который стал одним из самых серьёзных достижений Петра Порошенко на посту президента Украины. Так, в Давосе 23 января 2018 г. Джо Байден с присущей ему резкой манере предупредил Украину, что без ощутимого движения в Европу она неизбежно станет жертвой нападков и давления со стороны Кремля: «Россия не собирается пересекать границу и захватывать оставшиеся территории страны при помощи танков. Она собирается уничтожить вашу экономику, она вас прямо похоронит, и с вами будет покончено. И именно в этот момент все покатится к чертям» [Бершидский 2018].

Тут, как говорится, Украине отступать некуда — надо держаться до конца.

Бершидский Л. 2018. Как президент Украины обманул Джо Байдена. — *ИноСМИ*. — 26.01.2018. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20180126/241293730.html>. — Проверено: 15.03.2018.

Клямкин И. *Какая дорога ведёт к праву?* — М., 2018 (в печати).

Пасхавер А. 2017. Выбор судьбы. — *Зеркало недели*. — № 16. — Доступно: https://zn.ua/article/print/internal/vybor-sudby-246993_.html. — Проверено: 15.03.2018.